

Владимир Иванов

ДВЕ СУДЬБЫ – ОДНА ВОЙНА

Рассказ

1

Наша мотострелковая часть с боями продвигалась на запад. Отходя, противник дошёл до заранее подготовленной оборонительной системы. Нам с ходу занять высоту не удалось. Закрепились на промежуточном рубеже. Разведка боем, захват «языка», наблюдение за противником – обычное дело разведчиков в обороне.

Местность лесисто-болотистая. В таких местах деревенские кладбища на возвышении. Здесь и сделали наблюдательный пункт. Выбрали точку, где к потемневшему кресту склонилась рябина.

Выкопали и оборудовали блиндаж для наблюдения. Под прикрытием рябины замаскировали трофейную стереотрубу, прикрепив её к кресту. Днём вокруг нашей секретной точки мертвая тишина. Смена только ночью.

Уже больше недели мы не наступаем. Соватьсь к немцам без тщательной подготовки нельзя. Кругом болота, водяные оконца, подернутые ряской. Если атака захлебнется, в землю не окопаешься – всюду проступает вода. У врага – укрепленная бетоном позиция. Недаром так тщательно готовится наше наступление. Судя по оживлению, ждать осталось недолго. Всё больше прибывает техники, всё больше пополнения.

Задача разведчика-наблюдателя – отслеживать и выцеливать противника, изучать распорядок дня неприятеля, места установки минометов, орудий, передвижение живой силы, определять координаты дзотов, блиндажей, систему траншей, места и время наиболее частого скопления солдат и офицеров... Сведения нужны не только нам, пехоте, но и минометчикам, расчетам самоходных артиллерийских орудий и другим подразделениям. Я проинструктирован об этом перед заступлением впервые на пост.

Пост принял перед рассветом. Аккуратно спускаюсь в блиндаж. Через стереотрубу в ночной мгле ничего не видно. Но всё равно, как положено, периодически всматриваюсь в темноту: не ведут ли немцы скрытно под прикрытием ночи какие-либо работы, не наблюдается ли их перемещение. Тогда они обнаружат свои действия хотя бы светом фонарей. Этот ползущий по земле свет всё равно заметен. Но пока всё тихо, никаких огней.

Светает. Густой болотный туман сползает в низину. Обозначился вражеский передний край. По-прежнему никакого там движения. На склоне видны изгибы

ходов сообщения, угадываются замаскированные пулеметные точки. За траншеями на первый взгляд ничего нет, лишь трава и кустарники на возвышенности. Но кое-где дерн сполз и обнажил серый бетон. Горизонтальный обзор позволяет засечь щели амбразур. В течение дня в поведении неприятеля не заметил ничего особенного, никаких активных действий. Лишь звучали редкие выстрелы с той и нашей стороны. Первое мое дежурство прошло без происшествий.

Через двое суток в сумерках снова заступил на пост. Между нашей высотой и вражеской обороной – лощина, переходящая в заболоченный овраг. Я это знаю. Пять дней назад через него ходили брать «языка». С такого наблюдательного пункта, в каком я сейчас, просматривается лишь передний край обороны противника. А что там в глубине, какова численность главных сил, какой резерв, где штаб, командный пункт, склады, сколько какой военной техники – может рассказать лишь захваченный живой противник. «Языка» мы достали, привели. Оказался он с ценными сведениями. Меня представили к медали «За отвагу». Всё собираюсь о том написать отцу, да никак не удаётся. Постараюсь написать, как в роту вернусь. Да и от него что-то давно нет вестей. Видать, замотался с колхозными делами. Интересно, пользуется он собранным мной радиоприемником? Отец женился в восемнадцать лет, а когда мне исполнилось столько, ему было еще только тридцать семь. Но на фронт он не попал, ногу на производстве потерял. Вот и выходит – я воюю здесь за двоих. Уже больше года воюю, обстрелянный боец. Слышу везучиком. Лишь однажды ранило – и то легко. Пуля коснулась правого бока. Так что и в госпиталь не пришлось направлять. Привели в строевую годность в своем же медико-санитарном батальоне.

Через заболоченный овраг проложена дорога, можно сказать, сооружен мост из бревен в несколько накатов. Справа и слева зыбкая топь. Ни бойцам, ни подводам, ни технике для флангового обхода путей нет. На совесть, с немецкой аккуратностью исполнена та дорога. Каково это – гатить болото по всем правилам военной науки, – испытывал на себе: отводили грунтовые воды, зыби укрепляли деревом, на местах уплотнения грунтов били сваи – усиливали грузоподъемность дороги. В сапогах чавкает, сам весь мокрый, в грязи, в нос шибает вонючий запах болота. Силы на пределе, а бревна сырые, тяжелые. Смола хвойных стволов прилипает к рукам, гимнастерке. А если бы сейчас не было подготовленной немцами дороги, пришлось бы и тут выполнять такую изнурительную работу.

Вглядываюсь в окуляры – та же картина, тишина, никаких передвижений и огней. Ближе к рассвету замелькали огни, но фигуры в темноте пока не различимы. Усилил бдительность, однако ничего особого не последовало. При рассеивающемся предрассветном тумане стало видно более оживленное передвижение немцев по ходам сообщений. Неужели готовятся к атаке? С нашей стороны внезапно заговорила артиллерия. Одно из двух. Или немцы решили начать атаку, а наши упредили, или же наоборот – мы наступаем, а немцы разведали об этом и готовятся к отражению атаки. Скорее второе. Мы наступаем. Наша артиллерия бьет в основном в глубину обороны противника. Несколько снарядов ложатся ближе – за окопы в район вражеского дота. Включились в артподготовку наши минометы, и мины стали разрываться подле немецких блиндажей и окопов. В стереотрубу видно, как засуетились серо-зеленые вражеские фигуры, а также – где недолёт, перелёт, насколько в сторону от цели ложатся мины и снаряды. Сообщаю об этом по связи в закодированном виде в штаб батальона.

– Докладывай открытым текстом! Теперь можно – переходим в наступление!
– слышу голос командира.

В открытую продолжаю корректировать огонь. Вижу, как блиндаж взлетает на воздух, как самоходка накрывается вместе с расчетом. Стали отвечать орудия с вражеской стороны, снаряды рвутся позади в районе нашего сосредоточения. Ложатся взрывы и возле меня. Сюда-то зачем? Голое пустое кладбище. Засекли мой наблюдательный пункт, не иначе. Одна из таких точек полка была уничтожена на прошлой неделе. Теперь, выходит, и мою точку засекли. Очередным взрывом сломало крест и со стереотрубой отбросило в сторону. Я выбрался установить трубу на прежнее место. Другой взрыв вздыбил землю. То ли от тяжести обрушившейся на меня земли, то ли оглушенный взрывом, я не почувствовал боли. Попробовал пошевелить руками. Вроде целы. Где же автомат? Пошарил руками вокруг, не обнаружил. Что-то сдавливает горло. Это перехлестнул горло ремень автомата. Вспомнил: когда выбирался из блиндажа, автомат был перекинут через плечо и лишь потому, видать, его не отбросило в сторону. Пытаюсь ослабить натяжение ремня и вытащить оружие. Но не могу. При каждом усилии острая боль в правом плече. И в живот будто разогретую сковороду сунули. Чувствую: двигаться нельзя. Подкоплю сил – выдерну автомат. Без него никак. Без него я – беспомощный и будто голый. Беззащитный. А вдруг наша атака захлебнется, и немцы попрут вперед? Как тогда без автомата! Отдышался и с усилием дернул. Ремень ослабился, дышать легче.левой рукой определяю местоположение автомата. Он у меня за спиной. Не только земля, но и сам придавил его своей тяжестью. Потому не выдергивается. Приподымаюсь, что есть силы дергаю за ремень. Холодный ствол упирается в затылок. Замираю. Когда выбирался, автомат был на предохранителе. Но при взрыве он мог переключиться в боевое положение. Осторожно отвожу ствол от затылка, закидываю левую руку за голову, нащупываю конец ствола, второй рукой также обхватываю ствол за головой, резко дергаю вперед, одновременно нагибаясь и помогая телом, – и мрак. Очнулся – в животе сковорода будто разогревается еще больше. Постепенно отпустило. Автомат выдернулся, положил его перед собой, – теперь хоть какое-то чувство защищенности. Снаряды с гулом уходят в сторону вражеских укреплений. Вот в атаку пошли первые цепи. Зачем же так рано кричать «Ура!» До боестолкновения еще ведь далеко. И зачем кричать так тихо? Нет, это не «ура». Это «гу-га». Значит, первой идет штрафная рота. Они при атаке всегда так кричат. Заградительный отряд, который следует за ними и гонит их вперед, отделяет штрафников от остальной армии. Они как изгой. А раз так, то и мы будем от вас отличаться – кричать не «ура», а «гуга». Этот крик нагоняет страх на немцев. Мы – штрафники, нам терять нечего! Назад ходу нет – заградотряд расстреляет. Только вперед! Пусть погибну, но и вас прихвачу на тот свет. А живым буду – волю добуду. Таким мне представляется «гуга». Этот крик действует на немцев гипнотически, парализует волю. Они знают: штрафники не повернут назад и пощады от них не будет.

«Гу-га!» – слышится уже далеко впереди. Чем дальше уходит от меня первая цепь, тем согласованнее и громче крики атакующих. Мало кто из штрафников останется в живых. Недаром проштрафившихся наказывают сроками нахождения в штрафроте лишь на один-три месяца. Но кто уцелеет – искупил вину, а с первой кровью, с ранением – чист, независимо от срока, восстановлен в правах. Свободен!

Вот и наш батальон пошел. Основной поток атакующих следует по дороге, а я лежу у придорожной могилы. Машу им, кричу и стреляю в воздух. Но меня не слышат и не замечают. Я знаю, они нацелены только вперед. Ничего постороннего. Бойцы будто в трансе. Сам ходил в атаку и понимаю их состояние.

Я один. Лежу недвижно в стороне от поля боя. Спихватятся ли меня? Не знаю. Батальонные санитары, вернее, санитарки, здесь вряд ли будут искать раненых. Их место там, впереди, на поле боя. Надежда на штрафников. После выполнения задачи они не последуют дальше с действующими частями, а вернуться назад, к назначенному месту сбора. Но уцелеет ли хоть кто-нибудь из штрафников? А если и уцелеют, вернуться ли назад именно этой дорогой? Хотя тут вроде никаких других дорог и нет. Как пойдут, заметят ли меня? Не факт, что заметят. Смогу ли им дать о себе знать? Не истеку ли кровью? Не покинут ли силы?..

Хорошо, хоть дожди прекратились, бабье лето. Тело какое-то затекшее, онемелое, будто не мое. Пошевелиться, чтобы не затекло? Но мне не следует двигаться. Всё остальное не от меня зависит. А от кого?.. От Бога?! Ну почему я, такой молодой, должен умирать!.. Почему?.. Господи, сделай так, чтоб я остался жив! Я ведь и не жил-то еще. Я еще по-настоящему никого и не любил, у меня ни жены, ни детей, у меня всё впереди, я у родителей один. Мне нельзя умирать! Господи, сделай так, чтоб я остался жив! Не допусти моей гибели!..

Не знаю, что на меня нашло. До мозга костей комсомолец, кандидат в члены партии. Раньше ведь и не помышлял о Боге... Вспомнился себе маленьким мальчиком в гостях у бабушки. Вспомнились ее иконы в переднем углу, ее молитвы...

Забывтье придало сил. Когда очнулся, впереди гремел бой, слышались, как размытое эхо, голоса. Губы пересохли. Солнце в зените. Больше всего тревожит, что впадаю в безразличие. Гаснет воля к жизни. В районе живота будто жидкая каша. Она стекает в правый бок и дальше по ноге. В сапоге хлопает. О животе стараюсь не думать. Лишь бы сознание не отключилось. В сторону боя изредка проезжают машины. Вот проехала медико-санитарная с красным крестом. Поздно ее заметил. Да если бы и вовремя, что я могу сделать, чтоб и меня заметили? Ничего. Закрываю глаза, считаю до десяти, открываю. Снова и снова. Не знаю, сколько времени так продолжается.

Идут. Их шестеро. Приближаются по дороге.

– Братцы! – кричу. – Братцы!

Не обращают внимания. Скоро пройдут мимо.

– Братцы, я здесь!

Не слышат. Вспоминаю про автомат. С напряжением ставлю автомат прикладом на землю, нажимаю на спуск. Обернулись. Взяли свое оружие наизготовку. Снова кричу, машу свободной левой рукой и стреляю в воздух. Заметили, переглядываются. Стали приближаться. Неужели плачу? Влага стекает по щекам. Подошли. Сказал им, что ранен. Разгребли землю. Один приподнял гимнастерку и, глядя на живот, удивленно присвистнул:

– Да он и не жилец!

Молча переглянулись. Мне стало страшно. Закрыв глаза.

– Нужны нам проблемы? – спросил другой. – Сами еле уцелели, а с ним неизвестно, чем дело обернется. Лишняя морoka.

– И правда, – поддержал третий.

– Так он же нам зачтется! Мало ли какая выйдет закавыка, – возразил другой.

Я открыл глаза поглядеть на своего заступника. Не определил. Вижу только, все они смотрят на того, кто в центре. Видно, старший. Всё от него зависит. Он сказал, что надо транспортировать. Но как? Говорю им, что в блиндаже есть плащ-палатка. Сделали подобие носилок, понесли. «Да он не жилец» не выходит из головы. Вспомнил про разговор двух бывалых бойцов в походном госпитале при своем первом ранении. Говорил один другому про какую-то секретную инструкцию – будто запрещено хирургам оперировать раненых в живот, если со времени ранения прошло более шести часов. Как перешла наша армия в наступление, стало больше раненых, а хирургов и медикаментов не хватает. К тому же у тех, кому запоздало штопали внутренности, процент выздоровления крайне низкий. «Как же медики вывели именно этот срок – шесть часов?» – удивлялся я тогда. Поудивлялся и забыл, посчитав, что такого со мной-то уж точно не случится. Забыл, потому что кто же заранее собирается получить пулю или осколок в живот? А сейчас вот вспомнилось. После моего ранения уж точно прошло более шести часов.

Остановились спасители мои поменяться. Опустили меня в плащ-палатке на землю.

– Братцы! – говорю. – Не сообщайте, где меня подобрали, скажите, что вынесли с поля боя. Очень прошу.

– Опять двадцать пять! – недоволен тот, кто говорил о лишней мороке со мной. – Скажи «спасибо», что вообще несем.

– Спасибо, – шепчу я.

– Ладно, не скажем, – успокаивает старший. – А какая разница?

– Так надо, – шепчу. – Прошу.

– Хорошо. Принято.

Может, просьба моя была излишней. Нас нагнала медико-санитарная машина. Штрафники подняли меня к остальным раненым. С ними и попал в полевой госпиталь.

– Когда ранило? – привычно спросил хирург.

Сказал, что в полдень, на поле боя. Он осмотрел живот.

– Когда ранило? – снова наклонился надо мной хирург, пристально вглядываясь в глаза и допытываясь правды.

Я повторил и добавил, что взрывом засыпало землей. Не могу определить: или он сомневается, или совсем не верит. Если не верит, не станут оперировать, а сразу направят в палату для умирающих. Вот несут. В операционную! Но после операции всё равно положили к безнадежным. Люди в белом приходили, уходили, наклонялись надо мной – всё это сквозь забытьё помнится смутно. Но я и в самом деле оказался везучим! Выжил! Ранение в плечо, в голень по сравнению с животом можно считать пустячными царапинами – кости не задеты. А вот кишки промывали и штопали, как потом сказали, основательно и долго. Спасибо хирургам! Сделали свое дело на совесть, хоть и не верили в меня, раз отнесли потом к безнадежным. Когда убедились в моем спасении, перевели в палату для выздоравливающих. Тут на меня смотрели как на вернувшегося с того света. Удивлялись, говорили, что при моем случае не выживают. Я и сам удивлялся. Кто-то свыше услышал мою предсмертную просьбу?! Немного поправился – списали подчистую, пожелав успешного выздоровления. Земляк-отпускник был

провоожатым моим до самого Кемерова. Был рад, что сопровождает. Отпуск он давно заслужил, только кто ж его даст в такое время. Если бы не твое ранение, говорил он, отпуска мне не видать. Приехали, доставил меня в госпиталь, а сам уехал к себе на краткосрочную побывку в Тисуль.

Удивили два события. Пока я воевал, нас отделили от новосибирцев и создали свою, Кемеровскую, область. А госпиталь, где долечивался, оказался размещённым в моей родной школе.

Отец на фронт мне уже писал, что трудится председателем колхоза. После выписки из госпиталя он повез на свое новое местожительство – набираться сил и здоровья на свежем воздухе и парном деревенском молоке.

В деревне мы и встретили Победу.

2

Я на фронте не был. Ногу в шахте потерял, протез вместо нее. Мужики, здоровые кто, вроде сына моего, – на войне, а тут старики, бабы да ребяташки, ну и кто вроде меня – непригодный к фронту.

Раз вызывают в райком: «Ты коммунист? Вот тебе участок фронта – будешь председателем колхоза». Приехали в город за мной на серой кобыле Ласточке – хорошая такая, худая только, забитая. Антон Кончилов приехал. Собрание. Выбрали председателем. Кончилов меня определил временно к себе. Я пока без семьи тут. Так я опять начал деревенскую жизнь. Там, в Марчихе, раньше был один колхоз – имени Коминтерна. Теперь хозяйство поделили на два колхоза. Мой колхоз звался «Зеленый луг».

Ну и что мне досталось? Двадцать восемь колхозных семей. Восемь человек из них бездомных. У Антона Кончилова домишко вот-вот развалится. Коней с жеребятами тридцать четыре, из них рабочих лошадей двадцать две. Сбрую сами ладили, мешковинами хомутины обшивали. Коров одиннадцать, двенадцатый – бык. Четыре свиньи, пятый – боров. Двадцать курей, двадцать первый – петух. Десять овец, одиннадцатый – баран. Пятьсот сорок гектаров зерновых, двадцать картофеля, три капусты, гектар моркови, гектар огурцов, луку соток тридцать. Из построек что было? Сушилка начатая, построен корпус. Телятника нет, только стали строить. Конюшня, свинарник были. И коровник – крыша без потолка.

Управились с посевной, занялся строительством. Послал за лесом в тайгу вверх по Томи – нарубили, приплавили. Нанял людей – давай срубы рубить. В первый год телятник поставили, свинарник подремонтировали и удлиннили на два заплота. Под курятник часть старого свинарника приспособили, сушилку начатую доделали. Себе домик поставил. Измотался совсем!

Колхозники три года деньгами не получали зарплату. Люди задолжали, обнищали, изголодались – спасу нет! Колхозников обирали как липку. Если у тебя живность есть – за нее налог плати, еще и мясом потом сдавай. Корова-то живая, от нее ведь не отрежешь кусок. У кого вырос бычок, люди складывались – сдавали мясо за двоих, за троих. Так натуральный налог платили. Купишь и сдашь, коли деньги есть. А если нет? Им же три года не платили! Не уплатил – приезжают милиционер, финагент и забирают корову. В первый год председательства у троих вот так забрать коров хотели. Ну что делать? Колхозными заплатил. Тайком, конечно. Как узнают, по головке не погладят. Но как я, председатель, не выручу колхозника! А до меня не одну корову со двора свели.

Жали колхозника со всех сторон – уполномоченные по займу, финагенты... Один финагент по совхозу, другой по колхозам. Их бывало до пяти человек, – смотря какая территория сельсовета. Тогда что делали? Обкладывали сельхозналогом картошку, табак, лук, капусту и прочее. Как только взошло, они приезжают, обмеряют – сколько у кого, потом накладывают налог. Вырастет – не вырастет – это их не касается. Так вот я людям давал садить картошку на колхозном поле, – чтоб голодные себя обеспечивали. Но полянки маскировали. Глянешь со стороны – сплошной колхозный массив, никаких полянок. А если узнают? Страшно подумать!

Тогда как было? В мае месяце после посевной давали наряд-задание по военному займу. А в конце июля выкладывай деньги. Когда займы получаешь, – расписываешься, уплачиваешь, если денег нету – должен остаешься. На колхоз план по займам был отдельно, а на колхозников – другой список. Ну, за колхоз я платил аккуратно, – тут попробуй не уплати. А как начнешь задание по займу меж колхозников распределять – хоть караул кричи! Распределяли председатель колхоза, уполномоченный, члены правления. Какой колхозник сколько может вытерпеть. Это очень, очень было сложно. Вот даем, скажем, займу на тысячу двести или полторы тысячи рублей. А где он возьмет? Чем ему платить? Имеет он корову, свинью, куриц. Ну, поросенка, может быть. Вот и все! У нас колхоз-то бедный был. Восемь человек бездомных. Не то что коров, – избы своей не имели! А заем плати! Мне как председателю колхоза – десять тысяч, а то и больше платить. Потом прикинул – за всю войну в фонд обороны за займы я пятьдесят две тысячи уплатил. С колхозников было меньше. Это с меня как с председателя.

Как стал председателем, стал знакомиться с хозяйством: в амбаре у них просо! Они просто не знали, что с ним делать. Но я в деревне рос, после гибели отца от колчаковцев двенадцати годов остался старшим в семье, пахал и сеял. У нас тогда крупорушка была. А тут нет у них. Деревня Сормолотная – километрах в четырех от нас – имела крупорушку, лошадьми там жернова крутят. Съездил, договорился. Мы обрушили это просо. Создали комиссию в правлении колхоза – продавать пшено на базаре, документ выписали. Все как положено. После посевной поехали, продали. А просо ценилось, каша да картошка людей в основном и выручали. Кто продавал, привезли деньги, мы в правлении опять создали комиссию – деньги считать. Посчитали и оприходовали. И в сельсовет – извещать район: завтра приезжайте к нам с финагентами, чтоб, значит, с вами моим людям рассчитаться за заем, за налоги.

Первый год вышли из положения, на второй полегче стало. Съездил в инкубатор, купили цыплят, – пятьсот только колхозу, вдобавок колхозникам. Крупы опять на базар – деньгами обзавелся. Потом яйцами стали торговать на базаре. Уже есть чем дыры латать.

Шеф «Сантмонтаж» людей нам из Кемерова вырешил. Двадцать мужиков – краше в гроб кладут! – приехали. Конечно, хороших работников кто даст. Самим нужны. Бессемейных, неустроенных, бракованных не только на войну, но и на производство – покойники уже! – шефы нам в подмогу. Они помирать собрались, а я их откормил. Помаленьку-потихоньку вдовы да одинокие колхозницы их по домам поразобрали. Без мужиков-то плохо! Там, глядишь, забор повалился, дров опять же надо нарубить. Ну нужен мужчина. Разобрали их, значит. В этом деле шибко нам и сосед помог – колхоз Коминтерна. Мы же в одной деревне с ним.

А потом военкомат всех на комиссию, мужиков этих отозвали обратно в город. Откормили мы их – значит, можно забирать. Только кузнец Сидоров остался, МТС на него бронь наложил.

И опять мы при своей малой живой силе. Подошла уборка. У меня кто? Два тракториста, один комбайнер, один штурвальный, учетчик, водовоз и повариха. Вот и весь штат на уборке. А транспорт – лошадиная сила. Колымаги, парой лошадей запряженные. Две-три такие брички обслуживают комбайн. Помню овес жали. Четыре пары лошадей не успевали отвозить на колхозный ток! Вот такой овес был. Сорт «Победа». Самый хороший овес, тридцать центнеров с гектара. Но мы половину этого овса потеряли. Приехали на эту полосу, когда солнце уже закатывалось. И вот начали. Две брички нагрузили – комбайн стоит, бункер полон. Не успевают подводы оборачиваться с тока. Я послал еще две брички. А возить было километра три – расстояние порядочное. Два раза объехали – четыре пары лошадей не успевают! Вот так овес! Ну, мне тракторист и говорит: «Давай оставим. Завтра придем, каких-то три-четыре часа – и поле сжато». Я и послушался. Погода днем стояла хорошая, а ночью – дождь, ветер. Утром приезжаем на поле – метелки пустые стоят, и вся земля овсом усыпана, страшно смотреть! Вчера четыре брички на круг не хватало, а тут круг дали – всего полбрички. Все на земле. Как жалко было! Только овес нас и выручал. Без него гибель. В соседних колхозах по сто да сто двадцать лошадей, у меня рабочих всего двадцать две, а задание нам дают одинаково. Колхозные работы само собой. Но ведь еще отвлекают чистить аэропорт городской и на другие работы. Дорожное строительство с Кемерова на Новокузнецк который год мучило. Мы должны были гравий возить с Томи, укладывать, утрамбовывать. Ну а сколько там лошаденка может вывезти? С полкуба, не больше. Целое лето держи на этом строительстве четырех человек и две лошади. А ведь это нам бесплатная работа. Однажды приезжаю с совещания из Кемерова, а у меня ни одной лошади. Всех забрали на дорогу. Мастер доротдела как-то пристал ко мне – дай лошадь да дай, ездить не на чем. Я дал молоденького жеребчика. Так он два года с него не слазил. Правда, в благодарность наш колхоз мало дергал, – жеребчик выручил.

Как зима – начинаются мучения с лесозаготовками. Это нам тоже ведь бесплатная работа! У меня пять лошадей в тайге на лесоповале, а десять возят корм для них. От нашей Марчихи до лесоповала километров девяносто. Из дома везешь воз, а туда привезешь полвоза. За один день не доедешь. Ночевали в Ермаках. Везут сено пять лошадей, их же в пути кормить надо! Обратно едешь, опять корми. Эти пять, да там пять. Так вот и получается, – пока туда сено доставили, готовь в путь следующих пять лошадей. Двенадцать человек и пятнадцать лошадей у меня постоянно заняты на лесозаготовках. А на все остальные колхозные работы где взять людей и лошадей? Доказывал, доказывал, – на мой малый колхозишко надо и план ниже, но ничего не добился. Выполняй – и все. Измотались – спасу нет! Это еще благодаря овсу лошади держались. У меня возле конного двора амбар был, в него и засыпали. Неучтенный, конечно. Если кони совсем дойдут – пиши пропало. А кто же на них столько овса отпустит! Вот тайком и запасался. Каждый день поутру, только напоили лошадей, засыпаем по четыре килограмма на голову, на этом и держались. Но донесли, что кормлю лошадей овсом! Сколько этих сигналов на меня поступало! Сын в старших классах увлекся радиолюби-

тельством. Выписал детали, собрал ламповый радиоприемник. Направили меня в деревню – взял его с собой, слушал иногда. Так прознали и про это! Забрали. Зачем было забирать-то! Боялись, что буду слушать вражеское радио, что ли? Не положено, говорят, после войны вернём. Так и не вернули.

Сколько комиссий разных было, сколько проверяющих! Ну и с овсом – приехали проверяющие. А я на всяк случай и это предусмотрел. С заведующим подсобного хозяйства «Сантехмонтажа» договорился, будто у нас в амбаре лежит их семенной фонд, – у них тут двенадцать гектаров посева. На самом деле их овес лежал в колхозе имени Коминтерна. На случай чего один ключ у него, второй у меня. Ладно, приехали из райзо проверять. Говорю: «Нет у нас никакого овса. Есть, правда, у конного в амбаре, его мы раньше под овес занимали, а теперь наши шефы хранят там свой семенной фонд». Пригласили заведующего подсобным хозяйством, пошли, посмотрели. Там уж половина осталась, остальное скормили, – ровно как на семена. Заведующий подтвердил, что это их овес.

Хоть овёс и выручает, но лесозаготовка – одно разорение нашему колхозу. Мы там двух лошадей, самых лучших, уже угробили. Люди поизносились, одежды нет, пимы поразвалились. Столовая плохая, кормят из рук вон. Ну, никак, никак не по нашему колхозу дело. Посылаю Антона Кончилова как парламентаря с предложением договориться. Привозит он весть: «Пусть председатель сам приедет». Можно, значит, договориться! Собираю правление колхоза. Говорю: для питания колхозников на заготовке и вывозке леса надо столько-то мяса, хлеба. Цифру обозначил с запасом, чтоб маленько продать на базаре и спирту купить. Ладно. Утверждаю решение правления на общем собрании. Я все официально делал, а то загремишь без суда и следствия. Зарезали свинью, пару баранов, загрузили муки, спирту купил в городе, – поехали. Приехали, стали на квартиру, посылаю Антона Кончилова к ним. Они говорят: пусть вечером после работы приходит. В таежной деревне Суета был пункт заготовки. Как стемнело, взял что полагается и пошел. Познакомились. Трое их там было. Говорю, давайте договоримся, чтобы для нас было хорошо и для вас тоже. Не возражают. Как мы будем оформлять всё? Давайте так, говорят, сразу вы всех не забирайте. Оставляйте лошадку и двух работников. На недельку, не больше. А потом мы их потихоньку отправим. У нас каждый день вывешивается, кто сколько заготовил и вывез. Так что сразу всех нельзя. Дадим квитанцию, что вы полностью свои объемы выполнили, а число поставите сами, какое нужно. Ну, мы посидели, выпили. Наутро лошадку запрягли, я отправил Кончилова, отвез он им все наше привезенное добро. Позже я подошел, похмелились. Взял квитанцию и уехал. Через неделю у меня все лошади и люди были в колхозе.

Каких только заданий тогда не было! Сдача хлеба по государственному плану. Дальше – натурплата МТС, машинно-тракторной станции, значит. Да еще пятьсот центнеров должен был сдать в фонд обороны. Но и это еще не всё. Колхозникам ничего не остается. А им тогда можно было выдавать только пятнадцать процентов от сданного государству.

Во время уборки продавал мужик с Пинигина быка хорошего. Мяса-то у нас нет, а работаем от зари до зари. Решили вскладчину купить этого быка за хлеб. Правление колхоза вынесло решение, отдали колхозное зерно мужику. Привели быка, закололи, мясо разделили, составили ведомость – с кого сколько потом удержать зерна за мясо.

Закончили мы уборку, сдали хлеб, и положенные пятнадцать процентов надо людям выдавать. На эти пятнадцать процентов колхознику причитается с гулькин нос. Да еще за быка надо отдавать. Да еще, кто совсем с голоду помирал, раньше хлеб в долг выписывал. Выходит, кое-кто совсем зерна не получит. Про то я уже наперед знал. Ну и обеспечил себе заначку – рожь и просо. Это был у меня скрытый намолот, из неучтенного хлеба я и выделил колхозникам дополнительно по трудодням. Сказать только легко. Тогда такие строгости были! Сразу припишут врага народа, и пойдешь куда следует. Если, конечно, жив останешься.

Я уже говорил: по государственному плану зерно сдал, МТСу натурплату сдал, в фонд обороны сдал. Потом добавили еще пятьдесят центнеров – сдал, еще сорок добавили – сдал. А когда еще пятьдесят центнеров накинули, я и отказался. Откуда берутся эти дополнительные задания? Мы ведь тоже не дураки. Понимаем. У начальства под боком какие есть колхозы – им заниженное задание. От них все себе тащат – молоко, масло, яйца, хлеб, мясо. Вот за это им поблажка. Да еще из города шахтеров или еще кого по разнарядке им на подмогу. Они в передовиках, награды им всякие. Они по восемнадцать-двадцать кило получали на трудодень, а мы по двести граммов зерна. Раскидают остальным их задание, – а ты кожься. Так самоуправно могут вытрясать зерно без предела. Потому и заявляю, что хлеба больше нету. А вдруг проверять придут! Вот и надо мне скорей хлеб колхозникам раздать.

Приезжаю в контору. Счетоводу:

– Ведомости составил?

– Составил.

– Покажи.

Я просмотрел на выбор. Оба расписались.

– Передашь ведомости кладовщику, – говорю, – бригадир организует вывозку.

Они знают. Отпускайте зерно всем по списку.

Запрягли мне жеребца, и поехал я со своей Марчихи в Маручак. Это километра три. Когда свою уборку закончили, мы туда в помощь послали двенадцать человек. Надо мне узнать, как у них дела идут. Возвращаюсь домой, а в Марчиху, оказывается, уже приехали прокурор районный и бухгалтер райзо. Днем мы раздали хлеб, а к вечеру они приехали. Сидят в конторе, ждут меня. Ну, думаю, пропал! Уже разузнали, труба дело! Кто-то успел сообщить, сейчас начнется.

Прокурор мне:

– Как так получилось, что вы быка за хлеб колхозный людям взяли? Кто разрешил?

Я объяснил: это отдали не хлеб колхоза, а зерно колхозников в счет трудодней. Я кладовщику еще раньше сказал: «За мясо, кто сколько взял, обязательно удержи под расписку в ведомости». Потому спокойно прокурору говорю:

– Мы сегодня хлеб на трудодни раздавали и с каждого за мясо удержали.

Прокурор сразу:

– А документы где?

– У кладовщика.

– Документы чтоб тут были!

Ну, думаю, пронесло. Кладовщик у меня мужик надежный, все сделает, как положено. Значит, они только по быку приехали. Отлегло от сердца.

Но тут бухгалтер райзо:

– Что вы понаделали? Безобразие! Растащили хлеб, разворовали!

Опять внутри заньло. Выходит, и про это докопались. И так тоскливо стало. Вспомнил я, как мальчишкой в гражданскую с отцом от колчаковцев спасался – на волосок от гибели были. Тогда ведь все от случая зависело. Не знаешь, какой шаг куда ведет. Не раз мне эти страхи снились. И сейчас такое же чувство. Ничего не поделаешь, надо идти до конца, не сознаваться же!

– Мы хлеб не воровали, – говорю, – а брали, что положено.

– Отправляй кого за кладовщиком, – говорит прокурор. – Пусть документы принесет.

– Зачем отправлять? – говорю. – Мигом на лошади сам обернусь.

Мне-то надо узнать, как раздача хлеба прошла. Сел, поехал. А мне к кладовщику мимо дома своего. Когда проезжал, меня и окликнули. Кладовщик и бригадир пришли ко мне домой, сидят, меня ждут.

Я кладовщику:

– Рожь раздали?

– Раздали.

– Просо раздали?

– Раздали.

– За мясо удержал?

– Удержал.

– Обе ведомости здесь?

Забрал ведомости и говорю:

– Теперь можете идти домой.

Кладовщик мне:

– А если прокурор нас пригласит? Давай соберем у колхозников хлеб, пока всё в наличии!

Я говорю:

– Ты забудь об этом. Забудь! Мы хлеба лишнего никому не давали. Понятно?

Было отпущено, сколько положено по трудодням.

С этими словами взял и порвал вторую ведомость, которая незаконная. Приезжаю, вручаю ведомость прокурору. Он мне:

– Выдели посыльного, надо вызывать людей.

Техничка конторы поступила в распоряжение прокурора.

– А теперь мне надо отдельное помещение.

– Тут чем не глянется?

– Тут вы с бухгалтером райзо будете другим вопросом заниматься.

– А вы разве не по одному вопросу?

– Нет, не по одному.

Выходит, в самом деле им известно про рожь и просо. Но тогда почему сам прокурор не взялся за это дело? Думай – не думай, а деваться некуда. Поехал к председателю колхоза имени Коминтерна. Мы с ним хорошо ладили. Он представил прокурору свою контору, техничка ходит за колхозниками, прокурор с ними там беседует. А я, значит, с бухгалтером райзо отдельно.

– Почему дали разную сводку по пшенице в райком, МТС и нам в райзо? – спрашивает он.

Тут душа стала на место. Картина ясная. Убирали мы пшеницу. Был я в то время на районном совещании, приехал, спрашиваю у весовщика, сколько на-

молота. Он сказал. Вижу, там нету столько. Заставил заворошить, взял рулетку, замерил, высчитал в кубатуре, превратил в вес. На четырнадцать тонн намолоту приписали мои грамотеи! И уже отправили сводку! Показал я свои расчеты бригадиру, весовщику, а они только головами кивают. Зачем, говорю, вы приписали? Подождали бы меня! А теперь сводка пошла в райзо. Там отчет один, а тут вес другой. Там одна цифра, а тут другая. Я вам не подпишу, говорю, столько тонн намолоту. Та бумажка, что пошла в райзо, не переделана. Получился разрыв. Вот бухгалтер и приехал. Я ему объяснил, в чем дело. Он попросил вызвать бригадира тракторной бригады, весовщика. Они и подтвердили – получилось так-то и так-то. На этом всё у нас и уладилось.

А кого прокурор спрашивал, никто лишнего не сказал. Подтвердили, что за мясо зерно с них сегодня удержали – и всё.

Дождались наконец Победы, кончилась война. Хотя не все, но пришли мужики с фронта. Есть кому работать на земле. И у меня радость. Сын вернулся. Хотя покалеченный, но живой. На участке трудового фронта я свой долг исполнил. Попросился обратно в город. На протезе в деревне не то, что в городе. Да и сыну надо постоянно в городе подлечиваться. Колхозники уважили мою просьбу, решением собрания отпустили. С дозволения райкома, конечно. Как же без него!

3

Подготовка к этому дню начинается загодя. Отец с сыном составляют список продуктов к празднику и всего остального, что полагается. Их обслуживает женщина – социальный работник. Постепенно она делает покупки. День Победы отец и сын встречают в чистых брюках и рубашках. Живут в центре, неподалеку от площади Советов, где пройдут парад и демонстрация. Парада еще нет, с площади в форточку доносится бодрая музыка. Стол застелен новой скатертью. Но выставлять на стол еще рано. Это потом, когда завершится демонстрация и с площади народ пойдет по домам. К ним обязательно с демонстрации зайдут родственники. Так заведено.

А пока с началом парада им надо ощутить праздник вдвоем. На столе две стопки для фронтовых сто граммов и нехитрая закуска на двоих. Сын, помолившись, крестится. Подняв стопки, смотрят друг на друга.

– Отец, живём?! – прерывает молчание сын.

– Живём, сынок!..

Владимир Васильевич Иванов, поэт и прозаик, член Союзов писателей СССР и России. Родился на Урале, вырос в Кузбассе. Окончил Уральский госуниверситет, учился в Литературном институте, служил в армии в Забайкалье. Автор одиннадцати книг, изданных в Москве и Кемерове. Поэзия и проза печатались в журналах «Наш современник», «Москва», в других российских журналах, в Венгрии, Болгарии. Награжден шолоховской юбилейной медалью «За гуманизм и служение России». Лауреат Международного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт». Заслуженный работник культуры России. Действительный член (академик) Петровской академии наук и искусств. Живёт в Кемерове.

